

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.3>

Ильина Галина Геннадьевна, Мышкина Альбина Федоровна

ВЕРБАЛЬНО-АКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ ИЗБЕГАНИЯ / ИЗГНАНИЯ ЗЛЫХ ДУХОВ В ТРАДИЦИОННОЙ ЧУВАШСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ И. Н. ЗОЛОТНИЦКОГО)

В современной чувашской фольклористике сохраняется целый круг малоизученных тем и проблем, которые еще ждут своего разностороннего исследования. Данная статья затрагивает и подвергает научному анализу те материалы, которые были выявлены и зафиксированы в различных источниках еще в XIX веке. Опираясь на труды и материалы авторитетного исследователя чувашского языка Н. И. Золотницкого и других исследователей, запечатлевших в своих этнографических работах фольклорные материалы, авторы статьи выявляют мировоззренческие особенности чувашского народа в методах избегания (или изгнания) злых духов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 16-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82; 398.41

Дата поступления рукописи: 20.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.3>

В современной чувашской фольклористике сохраняется целый круг малоизученных тем и проблем, которые еще ждут своего разностороннего исследования. Данная статья затрагивает и подвергает научному анализу те материалы, которые были выявлены и зафиксированы в различных источниках еще в XIX веке. Опираясь на труды и материалы авторитетного исследователя чувашского языка Н. И. Золотницкого и других исследователей, запечатлевших в своих этнографических работах фольклорные материалы, авторы статьи выявляют мировоззренческие особенности чувашского народа в методах избегания (или изгнания) злых духов.

Ключевые слова и фразы: чувашский фольклор; языческие верования; мифология; мифологический персонаж; религиозные воззрения чувашей; этнокультура; злые духи.

Ильина Галина Геннадьевна, к. филол. н.

Мышкина Альбина Федоровна, д. филол. н., доцент

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

galiil69@mail.ru; alb-myshkina@mail.ru

ВЕРБАЛЬНО-АКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ ИЗБЕГАНИЯ / ИЗГНАНИЯ ЗЛЫХ ДУХОВ В ТРАДИЦИОННОЙ ЧУВАШСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ И. Н. ЗОЛОТНИЦКОГО)

Специальных исследовательских трудов, посвященных анализу вербально-акциональных приемов изгнания (или избегания) злых духов в научном наследии Н. И. Золотницкого не имеется. Но в его работах по чувашскому языкознанию, древнечувашской религии, этнографии и фольклору можно найти достаточное количество материалов для глубокого изучения этой проблемы. Данное обстоятельство вполне естественно, потому что, во-первых, «фольклор всегда уходит вглубь древности, опирается на мифологические, философские и религиозно-суеверные представления народа» [7, с. 23], а, во-вторых, в период жизни и творчества Н. И. Золотницкого у чувашей были большие пробелы в системе знаний во всех областях науки, в следствии этого ученым приходилось заниматься и определенным накоплением сопутствующего материала при проведении конкретных научных исследований.

Главная заслуга Н. И. Золотницкого заключается в том, что он изучил язык во взаимодействии с традиционной культурой. Знания, полученные им в стенах Казанского университета, позволили тогда еще молодому ученому взяться за совершенно неразработанную область комплексных исследований, более того, стать в какой-то степени и начинателем того научного направления, которое уже в XX веке стали называть этнолингвистикой, и наработать первый, пусть даже не столь достоверный с нашей точки зрения опыт лингвистического объяснения оригинальных примеров народной словесности чувашей. Научно-теоретические выводы, полученные Н. И. Золотницким, являются результатом многостороннего комплексного изучения традиционной фольклорной культуры народов Евразийского субконтинента в компаративистическом аспекте, причем в первую очередь народов Урало-Поволжского региона и, прежде всего, родных ему в определенной степени по крови и духу чувашей.

Свой научный подход к исследованию фольклорного материала он объясняет в работе «Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис» [5]. По его мнению, для глубокого понимания (в какой-то степени реставрации смысла) религии таких народов, как черемис (марийцев), чуваш, татар, башкир, вотяков (удмуртов), необходимы филологические знания, притом сравнительной филологии. Более того, ученый видит силу филологического знания даже в некоторых археологических исследованиях. В своих работах Н. И. Золотницкий возлагает большие надежды на, как он называет, молодую, но уже проявившую свою могучую силу, науку.

Н. И. Золотницкий впервые начал изучать традиционное языческое верование чувашей, сравнивая его с религиозными системами других тюркских, монгольских, финно-угорских, славянских и иных родственных и исторически контактировавших племен. Так, изучив марийскую мифологию в сравнении с мифологией чувашской и других тюркских народов, он пришел к выводу о том, что «термины древней черемисской мифологии, за исключением весьма немногих финских, состоят из элементов тюркского и арабского происхождения» [Там же, с. 7].

Поражает широкая эрудиция Н. И. Золотницкого в области традиционной культуры, фольклора и языка практически почти всех народов Поволжского региона. Он великолепно знал труды своих предшественников в области изучения чувашей и их соседей, включая не только классические труды Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, А. А. Фукса, В. А. Сбоева, поддерживал самые тесные творческие контакты со своими современниками, в той или иной мере связанными с изучением чувашского языка, фольклора, культуры, а также с исследованиями этнографии, верований, устной словесности, языка и т.п. контактных и родственных народов, в частности марийцев, удмуртов, мордвы, а также татар, русских и т.д.

В. К. Магницкий считал Н. И. Золотницкого своим близким другом и соратником, учителем и общивался с ним собранными материалами по этнографии, языку и фольклору чувашского народа. В предисловии своей книги В. К. Магницкий с благодарностью констатирует, что «Н. И. Золотницким сделан для меня перевод значительной части вошедших в “Материалы” чувашских молитв и объяснено значение отдельных старинных чувашских слов, кроме того, я щедро пользовался от него советами и указанием источников, благодаря чему рукопись разрослась до непредвиденных размеров» [8, с. 3-4].

В свою очередь, Н. И. Золотницкий в исследованиях очень высоко оценивал вклад В. К. Магницкого в изучение чувашской этнокультуры. Особенно ценным Н. И. Золотницкий считал оригинальные тексты молитв, наговоров, а также названия духов в рукописном собрании В. К. Магницкого. «Все эти тексты, – отмечал он, – следует признать очень древними, т.е. в них многие выражения, вовсе непонятные даже тем из нынешних чуваш, которые употребляют их при молениях, заклинаниях и т.п., и не подходят к формам нынешнего говора чуваш: они отчасти объясняются из языков арабского и персидского или же составляют остатки древнего болгарского наречия» [11, с. 25].

В каждой своей работе Н. И. Золотницкий уделяет большое внимание исследованию различных национальных обрядов. Так, к примеру, в «Приложении» к «Корневому чувашско-русскому словарю» [4] представлен анализ молитв, имен богов, некоторых обрядов чувашского народа, более того, здесь ученый проводит сопоставительное изучение сибирских шаманов и чувашских йомзей (колдунов или гадалок).

Приступая непосредственно к изучению заявленной в названии данной публикации темы, остановимся на некоторых описаниях злых духов Н. И. Золотницкого. И сразу же подчеркнем, что «у чувашского народа сложились устойчивые представления и понимание зла, которое для него является не абстрактной категорией, а вполне материализованной, воплощённой, к примеру, в образе Арсури или Шуйттана» [9, с. 136]. Так, в относительно недавнем прошлом чувашки искренне верили, что успех и неудача любого предприятия зависят от вмешательства в их дела мифических существ, поэтому они всячески стремились умилостивить и расположить к себе этих существ, избегать нежелательной и неурочной встречи с ними, оберегаться от козней многочисленных злых духов с помощью оправдавших когда-то себя магических действий. С поверьями о сверхъестественных силах у чувашского народа были связаны многие запреты, нормы и правила поведения в конкретных условиях.

В числе упомянутых в словаре Н. И. Золотницкого пандемонических персонажей имеется *Шуйттан* / Дьявол. В его переводах этот персонаж имеет значение, во-первых, дьявол, во-вторых, все, что относится к злой силе. В работах ученого описаны способы защиты от этого духа как во время проведения календарных обрядов, так и семейных обрядов. Шайтан у черемис, как и у чуваш, не только не имеет постоянного жилища и не получает жертв, но еще изгоняется из селений в праздник Сёрен или Шурем (у марийцев. – Г. И.). В данном случае автором упомянут календарный праздник Сёрен, который посвящался изгнанию из селений злых духов. Само слово означает “изгнание” [3, с. 187].

Чувашский языческий праздник *Калъм* (один из традиционных праздников весеннего обрядового цикла, посвященный ежегодному поминовению усопших предков) продолжался целую неделю. Последний день недели назывался *Аслъ калъм*. В этот день из селений изгоняли злых духов, болезни. А сам обряд у низовых чувашей назывался *Сёрен*, а у верховых – *Вирём*. Атрибутами изгнания были рябиновые прутья, трещотки, большие кнуты и т.п.

В работах Н. И. Золотницкого зафиксированы меры предосторожности, которые применялись во время свадебных церемоний. Соблюдение всех правил требовал свадебный обряд. Описания таких правил нашли свое место в «Отрывках из чувашско-русского словаря» [11]. Здесь описывается традиция чувашей бить нагайкой по назначенному для жениха месту, чаще покрытому войлоком, для изгнания нечистого духа (Шуйттан / Шойтан) из пиршества. Это происходит сразу по прибытии в дом невесты большого свадебного поезда и до начала самого пиршества. Процедуру изгнания проводит сам жених. В другой работе [6] Н. И. Золотницкий значительно дополнил картину изгнания злых духов. В частности, он заметил, что в борьбе со злым духом *Шуйттан* чувашки управляют без помощи *юмъс* / колдуна. В этих целях чувашки широко использовали рябиновые прутья, которые, по их мнению, имеют очистительную силу.

По религиозным воззрениям чувашей, *Вупкән* был одним из страшных злых духов. В словаре ученого приведены, к примеру, такие значения слова Вупкын: «пучина», «водоворот», «пропость», «прожорливый», «обжора» [4, с. 35]. Происходит оно от гагола *вуп* – «всасывать в себя», «проглотить», в других тюркских языках *ор-* / *өр-* – «хлебать, глотать» [2, с. 368].

По представлениям чувашей *Вупкән* разрушает все окультурованное пространство, уничтожает богатства, поля и т.д. Все эпидемические болезни, по поверьям чувашей, происходят в результате злокозненных действий *Вупкән*. Существовали несколько способов умилостивления *Вупкән*. «В жертву Вупкыну приносятся три черных ягненка, коих йомзя, при содействии двух стариков, закалывает где-нибудь в уединенном овраге и варит, кроме них еще кашу в трех котлах» [8, с. 134]. По сообщениям других информаторов, «Вупкәнпа Инкеке нимле парне те юрамасть» [10, ед. хр. 154, л. 364]. / «Вупкән и Инкек никакой подарок не подходит».

В «Словаре» Н. И. Золотницкого утверждается, что «ему с семейством его делается моление – Вупкын чуклени (Вупкән чўклени) в предупреждение и для прекращения повальных болезней: “Ялти чире тасатса тухса кайяр: таватъ кетес фанталък, афта саванта кайяр, пирён ялта ан пурнър” / Очистив деревенскую болезнь (деревню от болезней), удалитесь, ступайте на все четыре стороны света, куда угодно (где понравилось), а в нашей деревне не пребывайте» [4, с. 174]. Наряду с этим в словарь включен и другой вариант моления: «Вупкын тора, Вупкын ашшё, Вупкын амыже сьрлага барыр / Вупкын бог, отец Вупкын, мать Вупкын, помилуйте» [Там же, с. 27]. В отличие от первого (когда молитва направлена на конкретную просьбу – защиту от болезней), второй вариант молитвы имеет более универсальный, обобщающий характер и приемлем во многих ситуациях.

Как показывают архивные материалы, чувашский народ знает персонажей с идентичными функциями. «Вупкән, Хыпкән, Сяткан – усал ёмётсёр сывләшсем» [10, ед. хр. 168, л. 359]. / «Вупкән, Хыпкән, Сяткан – злые безграничные духи». Но относительно последних сохранились очень скудные материалы.

Они практически не описаны, и, возможно, функции их давно контаминировались, и они более известны под общим названием Воккын.

В прошлом чуваши при всех случаях наречения языческого имени, обуславливали это рядом соображений, примет и обрядностей, потому что суеверия и приметы, связанные с именем, играли большую роль. Имя, даваемое ребенку при рождении, рассматривалось как заклинание против смерти и болезней. Чуваше верили, что «если не наречь имени, то это считается нехорошим, так как иначе имя ему наречет черт (Шуйттан). Поэтому имя дается ребенку тотчас при рождении» [1, с. 237]. В целях защиты новорожденного от преждевременной, младенческой смерти «чуваше давали детям имена, заимствованные из своего языка применительно к обстоятельствам рождения, по названиям животных *Обось*, *Олай* или деревьев *Юман* и т.п.» [4, с. 173]. Ученый отмечает, что подобный обряд существовал и у киргизов.

В тех случаях, когда часто умирали дети в семьях, также совершали и обряд покупки новорожденного, чтобы уберечь его от смерти, так как смерть, по понятиям чувашей, наступала в результате действия злых сил. Этот обряд наглядно описан Н. И. Золотницким в своей работе: «*Сўппи* – имя новорожденного, которое значит “от сора взятый”. В семьях, где дети не живут, бабушка только что рожденного младенца завернув в тряпки, выносит на улицу, поджидающий во дворе йомзя берет дитя и, внося в избу, говорит, что он нашел дитя в сору – *сўп синче топрым*; дитя выкупают у йомзи и затем называют его *Сўппи*» [Там же].

В прежние времена, по словам В. А. Сбоева, йомзя «разбивал над головою новорожденного два сырых яйца, отрывал голову (живому) петуху и выбрасывал все это за ворота. Это была неизбежная церемония при трех важнейших эпохах человека – рождении, бракосочетании и при смерти. Чуваше думали, что посредством ее отгоняют Шайтана» [Там же, с. 165].

В словаре Н. И. Золотницкого название мифологического персонажа *Вутйи* дано в переводе на русский как «Русалка», тогда как для обозначения злого духа, местом обитания которого является вода, у чувашей являются *Шыври* или *Шыв ийи*. Далее, им же приводится обряд умиловительной жертвы, цель которой – отвести гнев *Вутйи*, обезопасить от его коварства, обеспечить его благосклонность и милость. «Рыболовы, пред ловлей бросая в воду кусок земли, говорят: “Вут пар!”» [Там же, с. 28].

В приложении к «Корневому словарю» со ссылкой на «Заметки о чувашах» В. А. Сбоева ученый указывает на *Йёрёх* как невидимого представителя посредствующего божества у чувашей. «*Йёрёх* божество, насылающее на людей разные наружные болезни. Кого постигает такая болезнь, тот должен принести *Йёрёху* в жертву кисель и несколько ягнят по назначению йомзи. У одного из ягнят отнимают голову и кладут ее в особый кузов, который вешается в углу амбара, украшается разными ветвями, блесками и мелкими серебряными деньгами, и который называется также *Йёрёхём* и служит предохранительным средством от вышеупомянутых болезней» [12, с. 124].

По религиозным представлениям чувашей причины болезней объяснялись действием злых сил. Особую опасность для здоровья человека представляли *Ие*, *Вупър* (*Вупкән*), *Йёрёх*, *Киремет* и др. Некоторые из злых духов требовали жертвы. Жертвы приносились кровавые и бескровные.

Чувашам также был известен *Хаяр*. Об этом свидетельствуют архивные материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. *Хаяр* – это дух, который вносит в среду людей споры и драки. «От *Хаяра* человек страдает ужасной головной болью. Средством против такой боли иногда является огонь. На огне накаливали несколько горбушек хлеба и обводили ими голову больного, бросали опять в огонь, *Хаяр савърса*» [10, ед. хр. 215, л. 303]. Предполагалось, что горбушка хлеба, накаленная на огне способна вбирать в себя болезнь, которую окончательно уничтожал или сжигал опять тот же огонь. Именно этим объясняются все манипуляции с хлебом, описанные в архивных материалах. А по материалам Н. И. Золотницкого [5], *Сёр Хаяр* (Зло Земли) и *Сёр силли* (гнев Земли) можно задобрить особой жертвой в виде черного быка. Подобные жертвоприношения проводились для получения хорошего и богатого урожая.

Изгнать злых духов можно было, по поверьям чувашей, и при помощи *чёлхесем* (наговоров, заговоров). Интересны варианты «*Сăпан чёлхи*» и «*Куşăхнă чёлхи*» (наговор от сглаза). *Сăпан чёлхи* – наговор против веред. Этот наговор обязательно разделяется на пять частей (заклинаний), и каждая часть начинается словами-обращениями (возвращением): «Ах сырлах Тора, сырлах Пўлэх!». / «Ах, помилуй, Боже, помилуй податель!». В первом заклинании, после названия, исполнительница обряда (йомзя) для придания большого авторитета своим действиям упоминает как о лице невидимо действующем, о необыкновенном старике: «Кёмёл сўслё ылттăн шăллă шор сохаллă старик Адыл-орла тинёс-орла килсе сак сăпан чёлхине вёреть». / «Серебровласый, златозубый, белобородый старик, пришедши сюда через Волгу, через море, этот противу-вредный наговор совершает». Затем в каждом заклинании говорится о 77-ми родах какого-либо одного предмета: «Ситмёл те сичё какър чол пор». / «Семидесяти родов кагыр-камень есть». Заметим, каждое подобное заклинание заканчивается особым оборотом повторяющихся слов - пусть веред тогда появится, когда на упомянутом предмете появится нарост или шишка. К примеру, «Хăсан та хăсан сав чол сине муккуль тухё, саван чохне тинь тохтър» [4, с. 186]. / «Когда и когда (еще) на этом камне появится шишка, тогда разве пусть появится (веред)». В других заклинаниях в качестве подобного предмета упоминаются следующие: *ёне майри* / рога коровы, *шывёр пашатан* / острое шило, *сёрёк каска* / гнилая колода, *ылттăн туя* / золотая трость, палка.

Таким образом, о чем свидетельствует и наше исследование, творческое наследие Н. И. Золотницкого – это ценный и богатый фактический материал по религиозным воззрениям чувашского народа. Более того, именно он зафиксировал и впервые ввел в научный оборот многие понятия. Вследствие этого исследовательские работы и материалы Н. И. Золотницкого становятся достоверным источником для современных научных изысканий как по фольклористике, так и по философии, религиоведению и лингвокультурологии.

Список источников

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17-ти т. Чебоксары, 1929. Т. IV. 360 с.
2. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1969. 676 с.
3. Егоров Н. И. Праздники и обряды чуваш // Иванов В. П., Матвеев Г. Б., Егоров Н. И. и др. Культура чувашского края. Часть 1: учеб. пособ. / сост. М. И. Скворцов. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1994. С. 175-228.
4. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен (с 22-мя приложениями). Казань: Типография Императорского Казанского Университета, 1875. 279 с.
5. Золотницкий Н. И. Невидимый мир по шаманским воззрениям чуваш. Казань: Университетская типография, 1877. 27 с.
6. Золотницкий Н. И. О старой чувашской вере // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани, с 31 июля по 18 августа 1877: в 2-х т. Казань: Типография Императорского Казанского Университета, 1891. Т. II. С. 252-256.
7. Ильина Г. Г., Мышкина А. Ф. Традиционные представления чувашей о фольклорном персонаже Инкек // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72) Ч. 3. С. 23-25.
8. Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. 287 с.
9. Мышкина А. Ф., Яковлева О. Н. О некоторых фольклорно-мифологических и религиозно-мистических особенностях сознания чувашского народа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. 3. С. 135-137.
10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I.
11. Отрывки из чувашско-русского словаря, составленного Н. И. Золотницким. Казань: Губернская типография, 1874. 48 с.
12. Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии: заметки о чувашах. Казань: Издание книгопродавца Дубровина, 1856. 188 с.

**VERBAL AND ACTIONAL TECHNIQUES TO AVOID/BANISH EVIL SPIRITS
IN THE TRADITIONAL CHUVASH CULTURE (ACCORDING TO N. I. ZOLOTNIZKY)**

P'ina Galina Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Myshkina Al'bina Fedorovna, Doctor in Philology, Associate Professor
I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary
galiil69@mail.ru; alb-myshkina@mail.ru

Chuvash folkloristics offers a wide range of poorly investigated themes and problems, which are still to be examined thoroughly. The article exposes to scientific analysis the materials, which were identified and fixed in different sources as long ago as in the XIX century. Relying on the works of the authoritative Chuvash linguist N. I. Zolotnizky and other researchers, whose ethnographic studies contain folkloric materials, the authors identify ideological peculiarities of the Chuvash people in the techniques to avoid (banish) evil spirits.

Key words and phrases: Chuvash folklore; pagan beliefs; mythology; mythological personage; Chuvash people's religious beliefs; ethno-culture; evil spirits.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 09.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.4>

В статье рассматривается национальная специфика творчества хантыйского писателя Е. Айпина. Используя метод сопоставительного анализа, автор изучает ранние рассказы писателя, вошедшие в сборник «Время дождей». Материал исследования показывает, что основу этнопоэтики вышеупомянутых рассказов составляют элементы устного народного творчества. В текстах присутствуют различные влечения мифологических сюжетов и мотивов, отражающих неповторимый характер мышления народа ханты, особенности которого, взятые из мира природы, ярко отразились в лексике Айпина-прозаика.

Ключевые слова и фразы: фольклор; фольклорные жанры; поэтика; этнопоэтика; национальная лексика; рассказ; сопоставительный анализ; хантыйская литература; Е. Айпин.

Исакова Снежана Анатольевна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
snejana_issakova@inbox.ru

**ЭТНОПОЭТИКА РАННИХ РАССКАЗОВ ЕРЕМЕЯ АЙПИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ВРЕМЯ ДОЖДЕЙ»)**

Творческая позиция Е. Айпина имеет свою особенность. Вот что об этом пишет литературный критик М. М. Рябий: «Айпин – коренной житель Севера, его хантыйского сообщества, человек, принадлежащий роду Бобра, а потому невольно стремящийся понятием “родственности” охватить положительных героев и персонажей своих произведений» [8, с. 282]. Следуя культурным традициям народа, Е. Айпин в своих работах выражает духовный мир народа ханты, его мировоззренческую и этноэстетическую природу. В произведениях писателя отражается неповторимый мир людей, связанных между собой единством происхождения, языка, духовной культуры.